

Тенденции международной образовательной миграции (на примере Финляндии)

В. Стриелковски^{1,2}, Л. С. Киселева^{3}, А. Ю. Синёва³*

¹ Кембриджский институт повышения квалификации,
г. Кембридж, Великобритания

² Пражская бизнес-школа, г. Прага, Чешская Республика

³ ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия,

* kiseleva-l@mail.ru

Введение. Образовательные иммигранты являются наиболее привлекательной категорией иммигрантов в связи с их высокой адаптивностью к рынкам труда в стране получения образования. Цель статьи – изучение современных тенденций образовательной миграции, а также выявление факторов, привлекающих и удерживающих учебных иммигрантов в принимающей стране.

Материалы и методы. Использовались методы традиционного анализа: осмысление и интерпретация содержания документов, методы графического представления данных, анализ российской и зарубежной научной литературы, метод сопоставления российской и зарубежной теории и практики. Эмпирическая база исследования включает результаты дистанционного онлайн-анкетирования посредством приложения Google Forms. Выборка представлена респондентами, проживающими в Санкт-Петербурге и указывающими в своем профиле социальной сети «ВКонтакте» обучение в Финляндии.

Результаты исследования. В ходе исследования установлено, что Финляндия проводит успешную планомерную и системную национальную политику по привлечению образовательных иммигрантов, призванную компенсировать неблагоприятную социально-демографическую ситуацию в стране. За последние десять лет обозначилась тенденция увеличения количества образовательных иммигрантов из азиатских стран. Большинство иностранных студентов обучаются по программам бакалавриата политехнических университетов и программам магистратуры классических университетов. По всем направлениям обучения в Финляндии наблюдается значительное преобладание иммигрантов-девушек.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты представляют практический интерес для российских правительственных структур, ответственных за разработку стратегических ориентиров иммиграционной образовательной политики, а также для организаций, ответственных за развитие межгосударственного сотрудничества в сфере образования и науки. Руководители и сотрудники департаментов международного сотрудничества высших учебных заведений, занимающиеся вопросами социальной адаптации образовательных иммигрантов, могут принять во внимание выявленные трудности студентов в адаптации. Результаты исследования также заинтересуют представителей научного сообщества по вопросам образовательной миграции.

Ключевые слова: образовательная миграция, драйверы миграции, система образования в Финляндии, эффект миграции, онлайн-анкетирование, географическая близость

Для цитирования: Стриелковски, В. Тенденции международной образовательной миграции (на примере Финляндии) / В. Стриелковски, Л. С. Киселева, А. Ю. Синёва. – DOI 10.15507/1991-9468.098.024.202001.032-049 // Интеграция образования. – 2020. – Т. 24, № 1. – С. 32–49.

© Стриелковски В., Киселева Л. С., Синёва А. Ю., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Trends in International Educational Migration: A Case of Finland

W. Strielkowski^{a,b}, L. S. Kiseleva^{c*}, A. Yu. Sinyova^c

^a Cambridge Institute for Advanced Studies, Cambridge, United Kingdom

^b Prague Business School, Prague, Czech Republic

^c Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia,

*kiseleva-l@mail.ru

Introduction. Our paper is focused on the study of the current trends in educational migration in the context of Finland. We aim at identifying the factors that attract and keep educational immigrants in the host country. We suggest that educational immigrants are the most attractive category of immigrants due to their high adaptability and insertion into the labor markets in their respective countries of education.

Materials and Methods. The research employs traditional methods of empirical analysis such as understanding and interpretation of the contents of documents, methods of graphical presentation of the data, analysis of Russian and foreign scientific literature, as well as the method of comparison of Russian and foreign theory and practice. The empirical basis of this study includes the results of a remote online survey using the Google Forms application. The sample of respondents is represented by the individuals residing in Saint Petersburg (Russia) and having in their profiles on the social media VKontakte a mention of the period of study in Finland.

Results. We find that Finland pursues a successful systematic national policy to attract educational immigrants. This approach is designed to compensate for the unfavorable social and demographic situation in the country. Over the past ten years, there has been a tendency in Finland to increase the number of educational immigrants from Asian countries. The majority of foreign students are enrolled in the undergraduate programs of polytechnic universities and at the Master's programs of classical universities. There is a significant predominance of female immigrants in all areas of study in Finland.

Discussion and Conclusion. Our results are of practical interest for the Russian government structures responsible for developing strategic guidelines for immigration education policy, as well as for organizations responsible for the development of interstate cooperation in the field of education and science. Heads and staff of international cooperation departments of higher education institutions dealing with the social adaptation of educational immigrants might take into account the identified difficulties of students in adaptation. The results of the study might also be of some interest to the representatives of the scientific community involved in educational migration.

Keywords: educational migration, migration drivers, education system in Finland, migration effect, online questioning, geographic proximity

For citation: Strielkowski W., Kiseleva L.S., Sinyova A.Yu. Trends in International Educational Migration: A Case of Finland. *Integratsiya obrazovaniya* = Integration of Education. 2020; 24(1):32-49. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.098.024.202001.032-049>

Введение

Феномен образовательной миграции представляет собой явление, присущее человечеству на протяжении значительного периода времени его существования. Образовательная миграция всегда открывала молодым людям доступ к новейшим технологиям, мировой культуре, качественному образованию, международным рынкам труда. В настоящее время увеличение потоков образовательной миграции привело

к тому, что многие страны, занимающие лидирующее положение на международном образовательном рынке, стали рассматривать образовательную миграцию в качестве «важнейшей составной части своей внешней политики, которая направлена как на укрепление экономического, так и политического влияния в мире»¹. За последние 40 лет количество иностранных студентов, ежегодно приезжающих в другие страны с образовательными целями, возросло почти

¹ Трофимов Е. А., Трофимова Т. И. Особенности учебной миграции в условиях глобализации // Тенденции и проблемы в экономике России: теоретические и практические аспекты: материалы Всероссий. науч. практ. конф. 23 марта 2017. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета, 2017. С. 221–222.

в 7 раз – с 800 тыс. чел. в 1975 г. до 5,5 млн чел. в 2015 г. с прогнозом в 8 млн чел. к 2020 г. По данным бюллетеня «Факты образования» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия занимает 6-е место в мире среди стран, принимающих на обучение иностранных студентов (5 % от количества иностранных студентов в мире). Большая часть иностранных студентов (79,2 %) прибывают в российские вузы из стран бывшего Советского Союза, затем следуют страны Азии, Африки, Ближнего Востока; меньше всего – из Северной Америки, Австралии и Океании. Не очень велико количество студентов, приезжающих в Россию из стран Северной, Западной и Южной Европы (3,8 %) и стран Восточной Европы (1,2 %), несмотря на географическую близость и на то, что до распада Советского Союза основной поток студентов прибывал как раз из стран Восточной Европы². Образовательные мигранты воспринимаются правительствами многих стран как серьезный капитал, способствующий укреплению позиций страны в мире. В этой связи иммиграционная политика большинства стран предусматривает сосредоточение усилий на привлечении образовательных мигрантов. Российская система образования имеет в этом отношении значительный потенциал и требуются планомерные и концептуальные усилия по увеличению въездного потока образовательных мигрантов.

Финляндия, выбранная в качестве примера для исследования, является одной из стран, наиболее открытых для образовательной миграции и успешных в этом отношении. В Рейтинге национальных систем высшего образования (Universitas 21), рассчитываемого по методике Института прикладных эконо-

мических и социальных исследований Университета Мельбурна (Австралия), Финляндия занимает 6-е место, что свидетельствует о высоком качестве системы высшего образования в стране³. В связи с этим нам представляется интересным рассмотреть особенности въездных потоков в Финляндию с целью обучения, поскольку эта страна географически близка (пограничная) РФ, и достаточно большое количество российских студентов избирает ее для получения образования.

Цель данной статьи состоит в исследовании трендов образовательной миграции на примере Финляндии и анализе движущих сил и мотивов международной образовательной миграции.

В научной литературе образовательная миграция освещается с различных позиций. В частности, подчеркивается ее огромное социальное значение, которое проявляется посредством четырех ключевых эффектов – социального, политического, экономического, демографического [1; 2]. Е. Браун, Б. Джухасес, М. Темин, Дж. Финни в своих работах делают акцент на существующих возрастных, гендерных, этнических особенностях образовательной миграции, различиях по уровню доходов и социальному статусу мигрантов, имеющих цель получение образования [3–6]. Д. Рокита-Поскарт анализирует влияние образовательной миграции на рынок труда той местности, где наблюдается приток иностранных студентов [7]. Она обращает внимание на положительные эффекты образовательной иммиграции, связанные с увеличением спроса на местные товары и услуги со стороны студентов, который приводит к повышению доходов местных предприятий, в результате чего увеличивается спрос на рабочую силу в компаниях, удов-

² Академическая мобильность иностранных студентов в России [Электронный ресурс] // Факты образования. Вып. № 7 (июль 2016). URL: <https://ioe.hse.ru/data/2016/08/04/1119531130/%D0%A4%D0%9E7.pdf> (дата обращения 01.04.2019).

³ Universitas 21: рейтинг национальных систем высшего образования 2016 года [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии. URL: <https://gtmarket.ru/news/2016/08/25/7298> (дата обращения 12.04.2019).

летворяющих потребности мигрантов. В свою очередь, К. Дагманн, А. Глицц, Е. Кофман изучают уровень образования и навыков иммигранта в связи с последующим экономическим успехом [8; 9]. По сравнению с обширными исследованиями образовательной миграции зарубежными учеными, следует обратить внимание на довольно скромный исследовательский интерес к данной проблеме со стороны российских ученых. Тем не менее можно выделить интересные исследования по учебной иммиграции китайских, вьетнамских студентов в Россию [10–12], анализу масштабов и специфике миграции российских студентов [13; 14] и региональных аспектов международной образовательной миграции [15]. Однако научных работ, посвященных анализу успешного зарубежного опыта привлечения образовательных мигрантов, на наш взгляд, недостаточно.

Обзор литературы

Международная образовательная миграция трактуется авторами как перемещение людей между странами с целью получения образования различного уровня и на различные сроки. Такая широкая трактовка международной образовательной миграции охватывает перемещения школьников, студентов, аспирантов, докторантов, стажеров, профессионалов, повышающих свою квалификацию в зарубежных учебных заведениях, структурах и компаниях. Наряду с термином «образовательная миграция» в российских источниках встречается понятие учебной миграции, под которым понимается «миграционный поток, возникший в результате формирования предпосылок для получения высшего образования бакалаврами, магистрантами, специалистами» [14]. В рамках нашего исследования мы используем термин «образовательная миграция».

Образование, по мнению Е. Браун, не часто выступает основным двигателем миграции. Только в ситуациях, когда было принято добровольное и сознательное решение учиться в зарубежном университете, образование можно счи-

тать важной причиной миграции. Основными же движущими силами всех видов внутренней и международной миграции выступают проблемы безопасности, возможности получения средств к существованию и экономические стимулы. Образование обычно рассматривается как вторичный фактор или как один из многих социально-экономических факторов, способствующих улучшению жизни [3]. В последние годы на фоне нестабильной военно-политической обстановки в различных регионах мира возросло количество публикаций, исследующих пересечения проблем миграции из пострадавших от конфликтов государств и образовательной миграции [16; 17]. Например, Дж. Хаген-Занкер и Р. Маллетт, рассуждая о том, что мотивы людей меняются со временем и во время перемещений, указывают на то, что, мигрируя из затронутых конфликтами регионов, беженцы первоначальным местом назначения имеют широкую идею «Европы» как места, в котором можно обрести физическую и социальную безопасность. Затем, по мере своего закрепления в стране пребывания и обретения стабильности, мотивы становятся более определенными, а возможности получения образования и занятости выступают наиболее важными факторами, влияющими на представление людей о дальнейшей траектории перемещения. Для молодых людей и людей с детьми, думающих о долгосрочной перспективе, образование является центральным мотивом [17].

Довольно большой объем исследований образовательной миграции касается ее детерминант [18–21]. Так, Э. Эббот и М. Сайллс установили статистическую зависимость общего языка и общей часовой зоны для межстрановой студенческой миграции [18]. Д. Бесси выявила факторы, влияющие на образовательную миграцию в Германии. К ним относятся расстояние между «принимающим» и «отправляющим» городами, «сетевой эффект», выражающийся в наличии знакомых родом из того же города, что и мигрант, в настоящее время проживающие в «принима-

ющем» городе [19]. Т. Агасисти и А. Даль Бьянко доказали важность социально-экономического благополучия «принимающей территории» на примере данных об образовательной иммиграции в Италию [20].

А. А. Вартамян, анализируя факторы, имеющие существенное значение для потенциального студента-мигранта при принятии решения о выборе страны для получения образования, выделяет географическую, языковую, культурную и социально-экономическую близость, наличие/отсутствие платы за обучение и ее размер, репутацию страны в сфере предоставления высшего образования, наличие национальных образовательных программ по поддержке зарубежного обучения и привлечению международных студентов, а также разработку совместных межуниверситетских программ [15].

С. В. Рязанцев и соавторы, исследуя неравномерность распределения иностранных студентов в России, отмечают следующие факторы, обуславливающие данное явление: «столичность» положения городов; количество жителей принимающего города (количество иностранных обучающихся будет выше в городах с большой численностью населения); приграничность положения регионов, принимающих иностранных студентов; репутация учебных заведений, наличие специальных программ и особых форм набора [22].

Относительно характеристик образовательных мигрантов эксперты единодушны в данном вопросе и отмечают, что вопросы образования в основном затрагивают молодежь в возрасте от 15 до 25 лет. Это та группа, которая наиболее решительно настроена на миграцию с целью получения качественного образования с перспективой трудоустройства и желанием изучать иностранные языки [3]. Несмотря на существующие исследования гендерных аспектов миграции, остаются значительные пробелы в вопросах взаимосвязи между полом, образованием и миграцией. Б. Джухасес, А. Пето и другие ученые отмечают, что возможности образовательной миграции важны для женщин. В качестве мотивов

выбора обучения за рубежом девушки называют доступ к библиотечным ресурсам, изучение иностранного языка, интерес к спецкурсам, которые не предлагаются в своей стране, улучшение карьерных возможностей, получение специфической квалификации [4, с. 182]. М. Темин и соавторы, исследующие миграцию девушек из африканских стран, в качестве мотивов выезда с образовательной целью называют следующие: возможность пользоваться большей свободой, избежать раннего брака, реализовать себя [5]. Анализ уровня доходов и принадлежности к социальному классу образовательных мигрантов позволяет сделать вывод о том, что это, как правило, не самые бедные люди и неважно, касается ли это легальных или нелегальных мигрантов [23]. Образование выступает в качестве фактора миграции в основном для молодежи среднего класса, со средним уровнем дохода семьи, которая может позволить себе оплатить учебу и проживание обучающемуся [24].

В российской научной литературе представлено несколько исследований, посвященных изучению миграционного поведения российских студентов. Г. Карташев приводит следующие характеристики образовательного мигранта из России: «возрастной диапазон составляет от 19 до 35 лет, причем каждый второй студент имеет возраст 23–25 лет; каждый второй имеет законченное высшее российское образование, каждый десятый окончил аспирантуру без защиты диссертации, а ряд лиц даже защитили кандидатскую диссертацию» [13]. 28 % студентов из России, проходящих обучение за рубежом, – это студенты естественно-технического профиля и 12 % – общественно-гуманитарного. «При поездке для обучения за рубеж ведущую роль для россиян играет не столько материальный достаток семьи, сколько набор личных качеств самого студента (высокий уровень подготовки, профессионализм, инициативность и т. п.), позволяющих ему успешно привлекать внешние источники финансирования» [13]. Девушки также активно участвуют в меж-

дународной образовательной миграции, как и юноши (48 и 52 % соответственно). Е. Н. Шпет, исследуя миграционные установки томских студентов, говорит, что в качестве мотивов «обучения за рубежом студенты отмечали повышение уровня владения иностранным языком, приобретение профессиональных навыков по своей специальности; увеличение конкурентоспособности на рынке труда как специалиста» [14].

Д. Н. Митин указывает на то, что «образовательных мигрантов можно считать самой желательной категорией, поскольку, как правило, ее составляют молодые и инициативные люди, которые отличаются открытостью и готовностью воспринимать новые знания и технологии, получающие национальное образование и квалификацию, приспособленные к местному рынку труда, адаптированные к языковой и культурной среде» [1]. Согласно данным статистики, в настоящее время примерно 25 % иностранных студентов обосновываются в стране своего обучения. Этот показатель выше в Германии, Австралии, Канаде, Франции, Нидерландах, Чехии»⁴. В частности, А. Лободзинска, анализируя иммиграционную политику Финляндии в контексте старения финского населения, подчеркивает, что образовательные программы, профессиональное обучение и содействие долгосрочной занятости иммигрантов способствуют решению проблемы сокращения рабочей силы стареющей страны [25].

Материалы и методы

Для целей нашего анализа мы использовали статистические данные Финского Национального агентства образования, отчеты Центра международной мобильности (СИМО) Национального агентства образования «International mobility in Finnish higher education in 2015: degree students», Института миграции Университета Турку «International Degree Students. A survey of studying, working and living in Turku» (2016). Аналити-

ческие отчеты позволили нам изучить структуру и динамику потоков образовательной иммиграции в Финляндию, выявить наиболее распространенные страны происхождения иностранных студентов и востребованность различных направлений обучения в финских университетах.

Помимо вторичных данных в работе представлены результаты дистанционного опроса, проведенного с целью выявить особенности иммиграционного поведения российских студентов, которые для получения образования выбрали финские вузы. Для целей нашего анализа в декабре 2018 – январе 2019 г. в г. Санкт-Петербург было проведено онлайн-анкетирование с помощью приложения Google Forms. Тип исследования – разовое (точечное). Выборка – невероятностная, проведенная методом отбора на основе принципа удобства. Респонденты для опроса отбирались в наиболее популярной российской социальной сети «ВКонтакте». Выборка включала респондентов, проживающих в г. Санкт-Петербург и упоминающих в своих профилях обучение в финских университетах. Потенциальным респондентам (128 чел.) направлялась ссылка для прохождения опроса. Опрос предусматривал как закрытые, так и полужакрытые вопросы. В качестве социально-демографических показателей уточнялись пол, возраст, род занятий.

Для анализа результатов опроса мы выделили следующие параметры:

- мотивы выбора Финляндии в качестве страны для получения образования;
- преимущества обучения в финском учебном заведении;
- факторы, которые усложняют обучение в зарубежном вузе;
- наиболее востребованные направления обучения в Финляндии;
- планирование дальнейшего обучения за рубежом.

Для обработки и интерпретации полученных данных использовали следующие методы традиционного анализа:

⁴ Трофимов Е. А., Трофимова Т. И. Особенности учебной миграции в условиях глобализации. С. 225.

смысловая интерпретация данных, методы графического представления данных, сравнение, обобщение, метод неполной индукции.

Результаты исследования

Современная система начального, профессионального и высшего образования Финляндии сравнительно молода. Свое формирование она начала в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. В настоящее время в Финляндии имеется 16 классических и 27 политехнических университетов (население Финляндии – 5,4 млн чел.), сеть которых охватывает всю территорию страны. Стратегическим приоритетом политехнических университетов в Финляндии выступает взаимосвязь и взаимодополнение теоретической и практической подготовки. В связи с этим при каждом политехническом университете при поддержке бизнеса открыт собственный технопарк, где студенты имеют возможность приобретать практические компетенции [26]. Мы выделили несколько характерных особенностей системы высшего образования в Финляндии, способствующих образовательной иммиграции:

– развитие университетских кластеров (открыто 6 стратегических научно-образовательных центров с участием

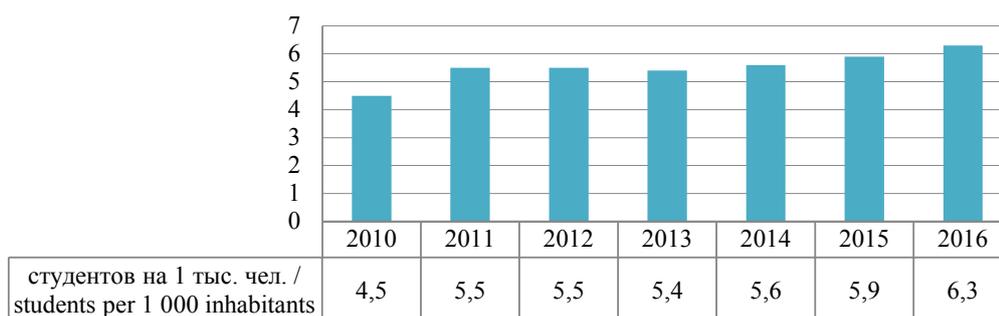
университетов, призванных объединить науку, технологии и инновации для целей различных отраслей хозяйства);

– расширение межвузовского взаимодействия, тенденции к слиянию и укрупнению университетов (вузовские консорциумы, создание трансграничного университета с участием 4-х финских и 6-ти российских вузов при финансировании правительства Финляндии);

– международное сотрудничество (расширение спектра учебных программ на английском языке, академическая мобильность, сотрудничество с зарубежными вузами, обязательное изучение студентами хотя бы одного иностранного языка).

Результаты отчетов Организации экономического сотрудничества и развития о международной миграции свидетельствуют о постепенном и неуклонном повышении количества иностранных студентов в Финляндии⁵ (рис. 1).

Анализ сведений Центра международной мобильности студентов позволил нам сопоставить данные об образовательной иммиграции в Финляндию за десятилетний период (с 2005 по 2015 гг.) (рис. 2). Отчетливо проявляется тенденция к увеличению количества студентов из азиатских стран как в классических, так и в политехнических университетах. Заметным является сокращение

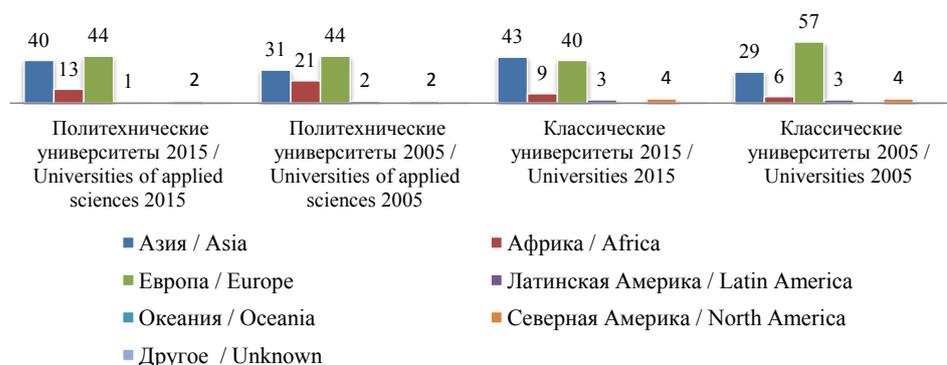

Р и с. 1. Количество иностранных студентов в Финляндии, 2010–2016 гг.

F i g. 1. International degree students in Finland, 2010–2016

Источник: составлено авторами на основе International Migration Outlook 2018.

⁵ International Migration Outlook 2018. Paris: OECD publishing, 2018. 412 p. DOI: <https://doi.org/10/1787/migr.outlook-2018-en>

Р и с. 2. Соотношение иностранных студентов в университетах Финляндии в зависимости от региона происхождения, % [27]

Fig. 2. International degree students in universities by country of origin 2005 and 2015, % [27]

числа студентов из европейских стран в классических университетах, а в политехнических университетах – из стран Африки. Образовательная иммиграция из других регионов не претерпела значительных изменений.

Более интересным, на наш взгляд, является анализ происхождения образовательных иммигрантов в разрезе стран (табл. 1). Как видим, Китай на протяжении десятилетия – самая распространенная страна происхождения сту-

Т а б л и ц а 1. Десять наиболее распространенных стран происхождения иностранных студентов в классических и политехнических университетах Финляндии, 2005 и 2015 гг., чел. [27]

Table 1. Most common countries of origin of international students in universities and universities of applied sciences in Finland, 2005 and 2015, person [27]

Классический университет / Universities				Политехнический университет / Universities of applied sciences			
2015		2005		2015		2005	
Китай / China	1 215	Китай / China	696	Россия / Russia	2 112	Китай / China	748
Россия / Russia	933	Россия / Russia	556	Вьетнам / Vietnam	1 495	Россия / Russia	558
Индия / India	625	Эстония / Estonia	352	Непал / Nepal	896	Эстония / Estonia	277
Пакистан / Pakistan	574	Швеция / Sweden	314	Китай / China	591	Швеция / Sweden	253
Иран / Iran	548	Германия / Germany	241	Эстония / Estonia	418	Кения / Kenya	252
Вьетнам / Vietnam	418	Индия / India	146	Нигерия / Nigeria	307	Нигерия / Nigeria	119
Германия / Germany	392	США / United States	146	Кения / Kenya	279	Гана / Ghana	110
Эстония / Estonia	316	Великобритания / United Kingdom	135	Германия / Germany	253	Германия / Germany	82
Непал / Nepal	308	Испания / Spain	108	Швеция / Sweden	217	Вьетнам / Vietnam	79
Бангладеш / Bangladesh	307	Италия / Italy	107	Бангладеш / Bangladesh	205	Эфиопия / Ethiopia	77

дентов в классических университетах; в политехнических университетах Россия к 2015 г. перехватила первенство у Китая. Большинство стран происхождения в обоих университетских секторах изменились за последние десять лет, за исключением России. К 2015 г. среди классических университетов практически исчезли из первой десятки европейские страны (в 2005 г. – 6 стран, в 2015 г. – 2 страны (Германия, Эстония)). В секторе политехнических университетов Китай потерял лидирующую позицию, которую теперь занимают Вьетнам и Непал.

В классических университетах наибольшим спросом у иностранных студентов пользуются инженерные специальности, а в политехнических – бизнес-администрирование и право (табл. 2). Примерно одинаковое количество студентов в обоих университетских секторах обучаются информационно-коммуникационным технологиям. Безусловное лидерство принадлежит классическим университетам по естественным, со-

циальным, гуманитарным наукам, образованию и сельскохозяйственным специальностям.

Анализ структуры образовательных иммигрантов в Финляндии показал, что практически половину составляют студенты бакалавриата в политехнических университетах (47 %) и треть – студенты магистратуры в классических университетах (рис. 3). Существует также возможность получить степень бакалавра в классическом университете и степень магистра в политехническом. Однако на данных уровнях имеется лишь несколько учебных программ на английском языке, поэтому на них обучаются мало иностранных студентов.

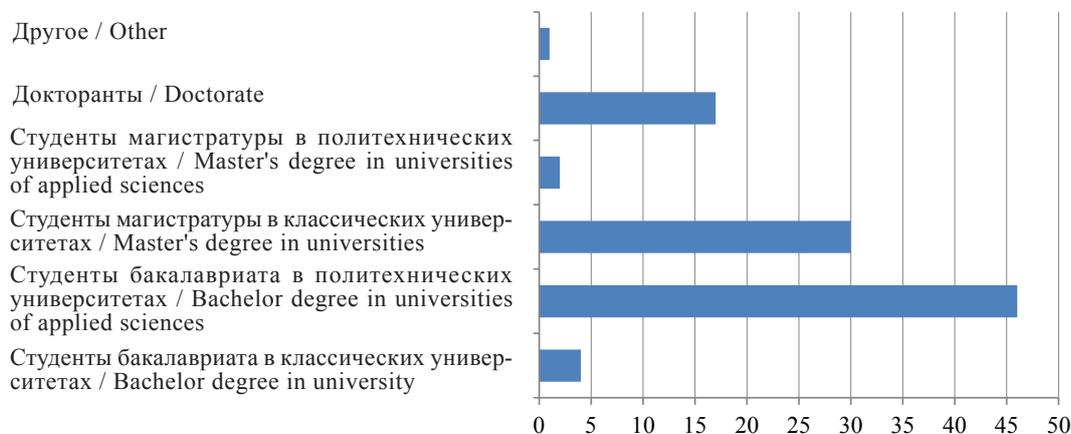
Анализ соотношения иностранных студентов, обучающихся в финских университетах, по половому признаку демонстрирует преобладание девушек абсолютно по всем направлениям обучения. По некоторым специальностям количество девушек превосходит количество студентов мужского пола в 1,5–2 раза (рис. 4).

Т а б л и ц а 2. Количество иностранных студентов в Финляндии в зависимости от направления обучения, чел.

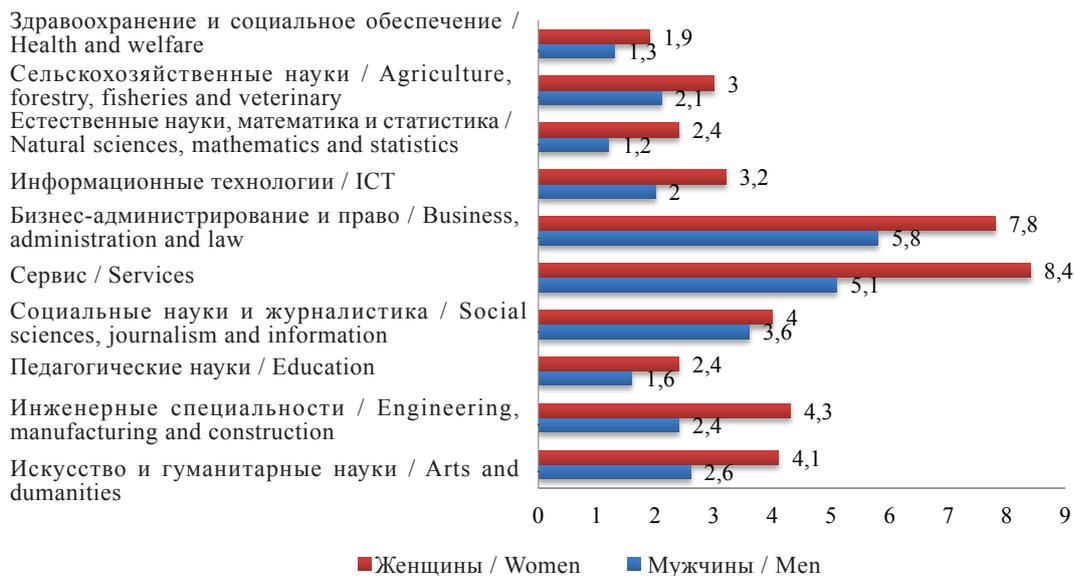
T a b l e 2. International students in Finland by field of education, persons

Направление обучения / Field of education	Классический университет / Universities	Политехнический университет / Universities of applied sciences
	2016	2016
Инженерные специальности / Engineering	2 188	1 947
Информационные и коммуникационные технологии / Information and ICT	1 912	1 868
Искусство и гуманитарные науки / Arts and humanities	1 693	257
Бизнес-администрирование и право / Business, administration and law	1 482	3 633
Естественные науки / Natural sciences	1 417	28
Социальные науки / Social sciences	981	1
Здравоохранение и социальное обеспечение / Health and welfare	611	1 192
Образование / Education	513	33
Сельскохозяйственные специальности / Agriculture and forestry	285	8
Сервис и туризм / Services	112	901
Итого / Total	11 194	9 868

Источник: Finnish National Agency for Education.

Р и с. 3. Структура иностранных студентов в финских университетах по уровням обучения в 2015 г., % [27]
 F i g. 3. Structure of international students at Finnish universities by level of study in 2015, % [27]

Р и с. 4. Структура обучающихся в университетах Финляндии иностранных студентов по половому признаку и в разрезе направлений обучения в 2016 г., %
 F i g. 4. Structure of international students studying at universities in Finland by gender and in the context of areas of study in 2016, %

Источник: Finnish National Agency for Education.

Напомним, что россияне составляют значительную долю во въездном потоке образовательных иммигрантов в Финляндию. Для исследования ситуации с иммиграцией молодых людей

из г. Санкт-Петербурга с целью учебы в Финляндии нами было проведено онлайн-анкетирование, которое охватывало респондентов, обучавшихся в финских университетах. Из них 31 % –

женского пола, 69 % – мужского. Возраст: 92 % – 20–25 лет, 8 % – 25–30 лет. В числе респондентов 92 % обучались в Финляндии в течение одного и более семестров на программах бакалавриата или магистратуры, 8 % участвовали в краткосрочном обучении, в рамках зимних/летних школ. В зависимости от рода деятельности опрошенных структура респондентов такова: 32 % – студенты, 18 – аспиранты, 50 % – выпускники, уже работающие по специальности.

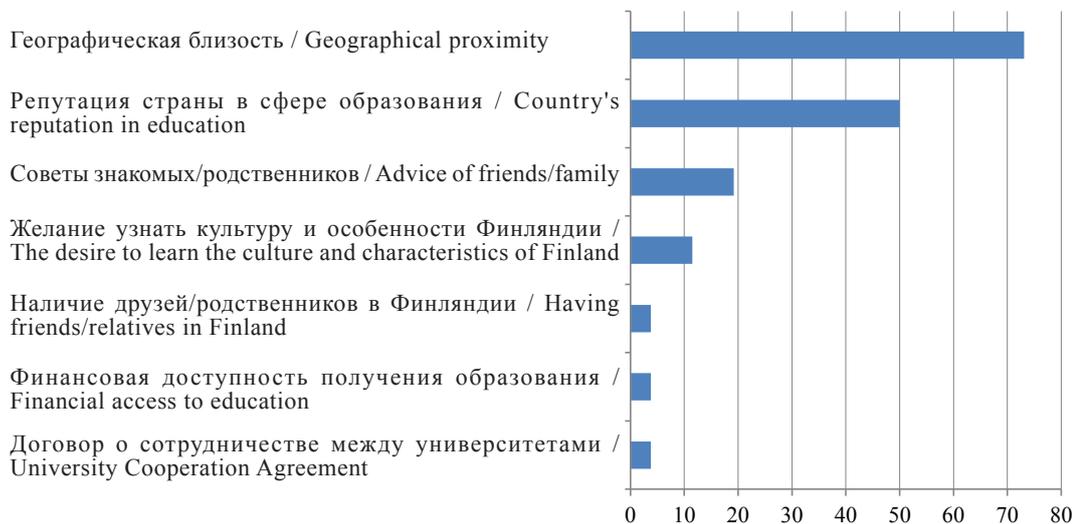
Изучение мотивации образовательной миграции молодых людей из Санкт-Петербурга в Финляндию иллюстрирует важность географической близости при выборе страны обучения (73, 1 %); для половины опрошенных – репутация Финляндии в сфере высшего образования; 1/5 часть последовала советам знакомых, родственников; 11 % выразили желание узнать культуру и особенности страны-соседа (рис. 5). Наши исследования подтверждают выводы Д. Бесси относительно «сетового эффекта», т. е. наличие соотечественников, проживающих в «принимающем» городе. Для некоторых респондентов важ-

ными факторами выступали финансовая доступность получения образования по сравнению с другими странами, возможность участия в программе двойного диплома, налаженное сотрудничество между университетами или просто единственный вариант мобильности, предложенный университетом.

Относительно преимуществ получения образования в Финляндии 92,3 % респондентов заявили, что финское образование лучше российского, для 4 % оно не имеет преимуществ и столько же отметили, что везде имеются свои плюсы и минусы.

На вопрос «Что бы Вы отнесли к преимуществам обучения в финском университете?» ответы распределились следующим образом (рис. 6). По мнению респондентов, финские университеты располагают отличной инфраструктурой, учебный процесс предусматривает современные образовательные технологии и широкие возможности для построения индивидуальной образовательной траектории.

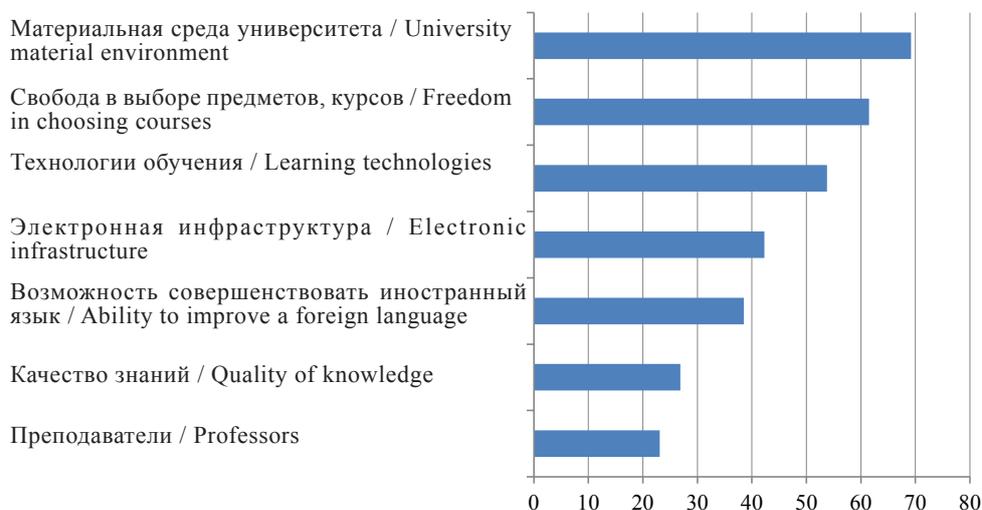
96,2 % респондентов уверены, что обучение в зарубежном вузе однозначно поможет в построении карьеры в России,

Р и с. 5. Мотивы выбора Финляндии в качестве страны для образовательной иммиграции, %

F i g. 5. Motives for choosing Finland as a country for educational migration, %

Источник: составлено авторами.

Р и с. 6. Преимущества обучения в финском университете по мнению российских студентов, %

F i g. 6. Advantages of studying at the Finnish universities according to Russian students, %

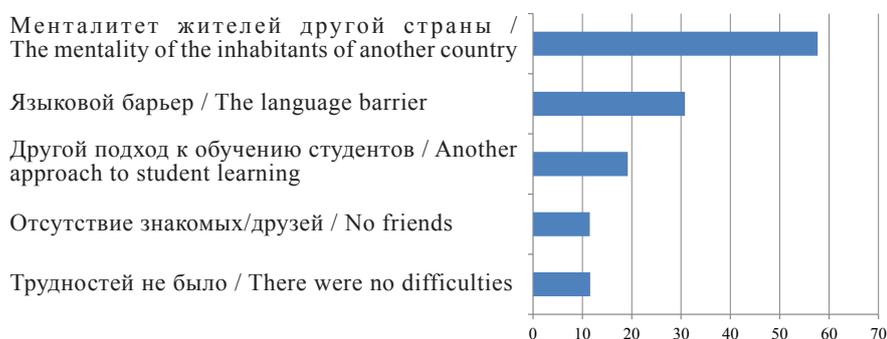
Источник: составлено авторами.

65,4 – впоследствии хотели бы продолжить обучение за рубежом, но уже не в Финляндии, 19,2 – готовы продолжить учебу в Финляндии, для 7,7 – достаточно полученного опыта обучения за рубежом, 3,8 % пришли к выводу, что учеба в России для них предпочтительнее.

По субъективным оценкам респондентов наиболее развитыми и востребованными направлениями обучения в Финляндии являются «Информационно-коммуникационные технологии»

(30,8 %), «Экономика и менеджмент» (19,2 %), естественные науки (11,5 %), инженерные специальности (8 %), «Сервис и туризм» (7,7 %), что в целом повторяет и объективные данные относительно востребованности соответствующих направлений обучения у образовательных иммигрантов.

Распределение ответов на вопрос «Какие обстоятельства учебы в Финляндии были для Вас наиболее трудными?» представлены на рисунке 7.

Р и с. 7. Трудности в адаптации к учебе в Финляндии, %

F i g. 7. Difficulties in adapting to study in Finland, %

Источник: составлено авторами.

Сравнивая полученные нами оценки барьеров в адаптации российских студентов в Финляндии с результатами социологического исследования Е. Е. Письменной [28], выделевшей основные проблемы, с которыми сталкиваются образовательные иммигранты в России, мы делаем вывод о том, что большинство проблем, затрудняющих социальную адаптацию учебных иммигрантов (например, невозможность легального заработка, плохие бытовые условия, сложность получения правового статуса), в Финляндии отсутствуют.

Обсуждение и заключение

В результате проведенного исследования и анализа статистических данных по международной образовательной иммиграции в Финляндию мы выделили несколько тенденций, сложившихся к настоящему времени.

Во-первых, образовательные иммигранты являются одной из наиболее желательных категорий мигрантов в связи с высокой адаптивностью к языковой и культурной среде, облегчающей возможную последующую интеграцию на рынок труда принимающей страны. Образовательная иммиграция позволяет частично компенсировать негативные последствия депопуляции и старения населения, в частности, европейских стран за счет пополнения рынка труда работниками трудоспособного возраста. В Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 г. признано, что в стране слабо используется потенциал образовательной иммиграции⁶. Опыт Финляндии показывает, что эта страна успешно использует систему образования, чтобы сформировать из числа иностранных студентов тот резерв, который можно было бы использовать для стабилизации социально-демографической ситуации в стране.

Во-вторых, за последнее десятилетие обозначился четкий тренд на увеличение количества образовательных иммигрантов из азиатских стран. Следовательно, фактор географической близости для большинства иммигрантов перестает быть определяющим. На первый план выходят характеристики качества системы высшего образования в стране, наличие национальных программ по привлечению международных студентов, направленность университетов на международное сотрудничество, тесная связь теоретической подготовки и практики. Большое количество образовательных иммигрантов в Россию прибывают из бывших республик Советского Союза (Казахстана, Таджикистана, Узбекистана), подтверждая тем самым как фактор географической близости, так и азиатское происхождение иммиграции. Тем не менее авторы полагают, что потенциал образовательной иммиграции азиатского региона в Россию реализован недостаточно.

В-третьих, в научной литературе обозначилась тенденция «специализации» исследователей на изучении «традиционных» потоков образовательной иммиграции и «новой» образовательной иммиграции из нестабильных и затронутых конфликтами стран и регионов [3; 29].

В-четвертых, мы отмечаем увеличение количества девушек в общем числе учебных мигрантов. В Финляндии по всем направлениям обучения наблюдается превышение количества иностранных студентов-девушек по сравнению с юношами. Для девушек факторами-мотиваторами иммиграции являются разнообразие учебных курсов, которые не всегда возможно получить в своей стране, возможность расширения карьерных перспектив после обучения за рубежом, совершенствование знания иностранного языка. Для юношей первостепенным

⁶ Хаджаев З. Ш. Образовательная иммиграция в Россию: сущность, проблемы и последствия // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития Евразийского интеграционного проекта: материалы IX междунар. науч.-практ. форума. М.: Экономическое образование, 2018. С. 26–31. URL: <https://docplayer.ru/68249964-Migracionnyye-mosty-v-evrazii-modeli-effektivnogo-upravleniya-migraciyev-usloviyah-razvitiya-evraziyskogo-integracionnogo-proekta.html> (дата обращения: 30.04.2019).

является выбор престижного учебного заведения, который впоследствии будет стимулировать их к хорошей карьере. Полагаем, что гендерные особенности образовательной иммиграции нуждаются в дополнительном изучении.

Таким образом, практическая польза проведенного исследования очевидна для нескольких заинтересованных групп:

1) руководство правительственных структур, причастных к разработке стратегических ориентиров системы образования и занятых в реализации Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг., должно принимать во внимание показатели Рейтинга национальных систем высшего образования Universitas 21, в котором Россия пока находится лишь на неудовлетворительном 34-м месте из 50;

2) руководство российских вузов должно проявлять заинтересованность в решении проблем, затрудняющих социальную адаптацию учебных мигрантов, и расширять штат преподавателей и со-

трудников для работы с иностранными студентами;

3) государственным структурам, ответственным за расширение межгосударственных образовательных и культурных связей необходимо способствовать более агрессивному продвижению образовательных услуг российских вузов в азиатском регионе.

Подводя итог проведенному исследованию, авторы делают вывод, что образовательная миграция является перспективным для изучения явлением. Научный потенциал данного явления может послужить важным ресурсом для понимания и регулирования процессов, которые происходят в настоящее время в обществе, системе образования, экономике и политике. Образовательные иммигранты, обладающие высоким коммуникативным ресурсом и высокой степенью адаптивности, являются более привлекательным сегментом для принимающего сообщества, чем остальные группы иммигрантов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Митин, Д. Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения / Д. Н. Митин // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2010. – № 3. – С. 123–134. – URL: <http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/8976/8427> (дата обращения: 01.04.2019). – Рез. англ.
2. Замотин, М. П. Образовательная миграция в миграционных исследованиях российских авторов / М. П. Замотин // Дискурс. – 2016. – № 5. – С. 77–86. – URL: [https://discourse.etu.ru/assets/files/zamotin-m.p\(1\).pdf](https://discourse.etu.ru/assets/files/zamotin-m.p(1).pdf) (дата обращения: 02.04.2019). – Рез. англ.
3. Browne, E. Evidence on Education as a Driver for Migration / E. Browne // K4D Helpdesk Report. Brighton, UK: Institute of Development Studies, 2017. – 23 p. – URL: <http://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/handle/123456789/13050> (дата обращения: 15.05.2019).
4. Pető, A. Educational Migration and Gender: Women's Studies Students' Educational Mobility in Europe / A. Pető, B. Juhasz // Doing Women's Studies. Employment Opportunities, Personal Impacts and Social Consequences / ed. by G. Griffin. London, New York : Zed Books, 2005. – Pp. 168–195.
5. Girls on the Move: Adolescent Girls & Migration in the Developing World / M. Temin, M. R. Montgomery, S. Engebretsen, K. M. Barker. The Population Council, Inc., 2013. – 136 p. – URL: https://www.popcouncil.org/uploads/pdfs/2013PGY_GirlsOnTheMove.pdf (дата обращения: 15.05.2019).
6. Ethnic Identity, Immigration, and Well-Being: An Interactional Perspective / J. S. Phinney, G. Horenczyk, K. Liebkind, P. Vedder. – DOI 10.1111/0022-4537.00225 // Journal of Social Issues. – 2002. – Vol. 57, issue 3. – Pp. 493–510. – URL: <https://spssi.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/0022-4537.00225> (дата обращения: 02.04.2019).
7. Rokita-Poskart, D. Educational Migration and the Labor Market / D. Rokita-Poskart // Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics. – 2016. – Vol. 5, issue 1. – Pp. 6–17. – URL: <http://www.zbw.eu/econis-archiv/bitstream/handle/11159/569/Rokita-Poskart%202016.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 15.05.2019).

8. Dustmann, C. Migration and Education. Chapter 4 / C. Dustmann, A. Glitz. – DOI 10.1016/B978-0-444-53444-6.00004-3 // Handbook of the Economics of Education / ed. by E. A. Hanushek, S. Machin, L. Woessmann. – 2011. – Vol. 4. – Pp. 327–439. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780444534446000043> (дата обращения: 15.05.2019).
9. Kofman, E. Gender and Skilled Migration in Europe / E. Kofman. – DOI 10.5209/rev_CRLA.2012.v30.n1.39115 // Cuadernos de Relaciones Laborales. – 2012. – Vol. 30, no. 1. – Pp. 63–89. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/43f5/a0441965df1664c80391f6857d7b849738f0.pdf> (дата обращения: 15.05.2019).
10. Самофалова, Е. И. Роль социальных сетей в образовательной миграции (на примере Китая) / Е. И. Самофалова. – DOI 10.17223/1998863X/36/31 // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 4 (36). – С. 302–315. – URL: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=1533&article_id=33398 (дата обращения: 02.04.2019). – Рез. англ.
11. Миграционные установки китайских студентов / Е. Ю. Кошелева, Е. И. Самофалова, И. Я. Пак [и др.] // International Journal of Experimental Education. – 2015. – № 6. – С. 14–16. – URL: <https://www.expeducation.ru/pdf/2015/6/7645.pdf> (дата обращения: 15.05.2019). – Рез. англ.
12. Рязанцев, С. В. Вклад миграции в демографическое и социально-экономическое развитие России / С. В. Рязанцев // Наука. Культура. Общество. – 2018. – № 4. – С. 19–27. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36547142> (дата обращения: 15.05.2019).
13. Карташов, Г. Масштабы миграции российских студентов / Г. Карташов // Высшее образование в России. – 2007. – № 11. – С. 128–131. – URL: <http://vovr.ru/upload/11-07.pdf> (дата обращения: 15.05.2019).
14. Шпет, Е. Н. Учебная миграция студентов вузов и подходы к ее организации / Е. Н. Шпет // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 1 (142). – С. 94–99. – URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/shpet_e_n_94_99_1_142_2014.pdf (дата обращения: 15.05.2019). – Рез. англ.
15. Варганиян, А. А. Международная образовательная миграция: региональный аспект / А. А. Варганиян // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 2. – С. 113–121. – URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2016/113-121_Vartanyan_.pdf (дата обращения: 15.05.2019). – Рез. англ.
16. Kirkegaard, A. O. Fleeing through the Globalized Education System: The Role of Violence and Conflict in International Student Migration / A. O. Kirkegaard, S. M. Nat-George. – DOI 10.1080/14767724.2016.1151769 // Globalisation, Societies and Education. – 2016. – Vol. 14, issue 3. – Pp. 390–402. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14767724.2016.1151769> (дата обращения: 15.05.2019).
17. Hagen-Zanker, J. Journeys to Europe. The Role of Policy in Migrant Decision-making / J. Hagen-Zanker, R. Mallet. London : Overseas Development Studies Institute, 2016. – 50 p. – URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/10297.pdf> (дата обращения: 14.05.2019).
18. Abbott, A. Determinants of International Student Migration / A. Abbott, M. Silles. – DOI 10.1111/twec.12319 // The World Economy. – 2016. – Vol. 39, issue 5. – Pp. 621–635. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/twec.12319> (дата обращения: 14.05.2019).
19. Bessey, D. International Student Migration to Germany / D. Bessey. – DOI 10.1007/s00181-010-0417-0 // Empirical Economics. – 2012. – Vol. 42. – Pp. 345–361. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs00181-010-0417-0> (дата обращения: 14.05.2019).
20. Agasisti, T. Determinants of College Student Migration in Italy: Empirical Evidence from a Gravity Approach / T. Agasisti, A. Dal Bianco. – DOI 10.2139/ssrn.1063481. – Текст : электронный // Social Sciences Research Network. – 2007. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1063481 (дата обращения: 14.05.2019).
21. Gargano, T. (Re)conceptualizing International Student Mobility: The Potential of Transnational Social Fields / T. Gargano. – DOI 10.1177/1028315308322060 // Journal of Studies in International Education. – 2009. – Vol. 13, issue 3. – Pp. 331–346. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1028315308322060> (дата обращения: 14.05.2019).
22. Миграционный потенциал Вьетнама в контексте образовательной миграции в Россию / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, Тоан Нгуен Кань, А. С. Лукьянец // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2015. – № 2. – С. 55–65.
23. Brooks, J. S. School Leadership, Social Justice and Immigration / J. S. Brooks, A. H. Normore, J. Wilkinson. – DOI 10.1108/IJEM-12-2016-0263 // International Journal of Educational Management. – 2017. – Vol. 31, no. 5. – Pp. 679–690. – URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/IJEM-12-2016-0263/full/html> (дата обращения: 14.05.2019).

24. Tremblay, K. Academic Mobility and Immigration / K. Tremblay. – DOI 10.1177/1028315305277618 // Journal of Studies in International Education. – 2005. – Vol. 9, issue 3. – Pp. 196–228. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1028315305277618> (дата обращения: 14.05.2019).

25. Lobodzinska, A. Immigrants and Immigration Policy in Ageing Finland / A. Lobodzinska. – DOI 10.2478/v10089-011-0003-z // Bulletin of Geography. Socio-Economic Series. – 2011. – Vol. 15, issue 15. – Pp. 43–55. – URL: <https://content.sciendo.com/view/journals/bog/15/15/article-p43.xml> (дата обращения: 14.05.2019).

26. Мехренцев, А. В. Технопарки при университетах: нереализованные возможности / А. В. Мехренцев, А. А. Добрачев // Дискуссия. – 2013. – № 1 (31). – С. 67–70. – URL: <https://www.journal-discussion.ru/storage/app/uploads/public/5ad10e/ae5/5ad10eae53c3a717461918.pdf> (дата обращения: 15.05.2019).

27. Garam, I. International Mobility in Finnish Higher Education in 2015: Degree Students / I. Garam. – Текст : электронный. – Centre for International Mobility CIMO, 2016. – 19 p. – URL: https://www.oph.fi/sites/default/files/documents/111327_facts_and_figures_5b_2016.pdf (дата обращения: 02.04.2019).

28. Письменная, Е. Е. «Утечка умов» из России и формирование российской научной диаспоры / Е. Е. Письменная // Научное обозрение. – 2011. – № 2. – С. 82–93.

29. Punch, S. Youth Transition and Migration: Negotiated and Constrained Interdependencies Within and Across Generations / S. Punch. – DOI 10.1080/13676261.2014.944118 // Journal of Youth Studies. – 2015. – Vol. 18, issue 2. – Pp. 262–276. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13676261.2014.944118> (дата обращения: 02.04.2019).

Поступила 30.07.2019; принята к публикации 29.11.2019; опубликована онлайн 31.03.2020.

Об авторах:

Стриелковски Вадим, старший научный сотрудник Кембриджского института повышения квалификации (СВ1 1АН, Великобритания, г. Кембридж, Кинг-стрит, д. 23), профессор Пражской бизнес-школы, директор Пражского института повышения квалификации (15200, Чехия, г. Прага 5, ул. Верихова, д. 145/29), доктор философии, профессор, **ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6113-3841>**, **Scopus ID: 36620065300**, **Researcher ID: J-6112-2017**, strielkowski@pbs-education.cz

Киселева Людмила Сергеевна, доцент кафедры социального управления ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (191186, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48), кандидат экономических наук, **ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8980-2821>**, **Scopus ID: 56677513700**, **Researcher ID: V-7287-2017**, kiseleva-l@mail.ru

Синёва Анна Юрьевна, аспирант факультета географии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (191186, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48), **ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8188-9902>**, annsinyova@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Стриелковски Вадим – научное руководство; развитие методологии; критический анализ и доработка текста; представление данных в тексте.

Киселева Людмила Сергеевна – обзор литературы; анализ данных; визуализация; подготовка начального варианта текста; компьютерные работы.

Синёва Анна Юрьевна – дистанционное анкетирование; визуализация данных; отбор статистической информации.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Mitin D.N. Educational Migration: The Notion, Problems and Ways of Solutions. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2010; (3):123-134. Available at: <http://journals.rudn.ru/political-science/article/view/8976/8427> (accessed 01.04.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Zamotin M.P. Educational Migration in Migratory Research of Russian Authors. *Diskurs* = Discourse. 2016; (5):77-86. Available at: [https://discourse.etu.ru/assets/files/zamotin-m.p\(1\).pdf](https://discourse.etu.ru/assets/files/zamotin-m.p(1).pdf) (accessed 02.04.2019). (In Russ., abstract in Eng.)

3. Browne E. Evidence on Education as a Driver for Migration. K4D Helpdesk Report. Brighton, UK: Institute of Development Studies; 2017. Available at: <http://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/handle/123456789/13050> (accessed 15.05.2019). (In Eng.)
4. Peto A., Juhasz B. Educational Migration and Gender: Women's Studies Students' Educational Mobility in Europe. In: G. Griffin (ed.) *Doing Women's Studies. Employment Opportunities, Personal Impacts and Social Consequences*. London: New York: Zed Books; 2005. p. 168-195. (In Eng.)
5. Temin M., Montgomery M.R., Engebretsen S., Barker K.M. *Girls on the Move: Adolescent Girls & Migration in the Developing World*. 2013. 136 p. Available at: https://www.popcouncil.org/uploads/pdfs/2013PGY_GirlsOnTheMove.pdf (accessed 15.05.2019). (In Eng.)
6. Phinney J.S., Horenczyk G., Liebkind K., Vedder P. Ethnic Identity, Immigration, and Well-Being: An Interactional Perspective. *Journal of Social Issues*. 2002; 57(3):493-510. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00225>
7. Rokita-Poskart D. Educational Migration and the Labor Market. *Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics*. 2016; 5(1):6-17. Available at: <http://www.zbw.eu/econis-archiv/bitstream/handle/11159/569/Rokita-Poskart%202016.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 15.05.2019). (In Eng.)
8. Dustmann C., Glitz A. Migration and Education. In: E.A. Hanushek, S. Machin, L. Woessmann (ed.) *Handbook of the Economics of Education*. 2011; 4:327-439. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53444-6.00004-3>
9. Kofman E. Gender and Skilled Migration in Europe. *Cuadernos de Relaciones Laborales*. 2012; 30(1):63-89. (In Eng.) DOI: http://dx.doi.org/10.5209/rev_CRLA.2012.v30.n1.39115
10. Samofalova E.I. The Role of Social Media in Educational Migration (A case of China). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2016; (4):302-315. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/36/31>
11. Kosheleva E.Yu., Samofalova E.I., Pak I.Ya., Shevel E.A., Ishutina I.A. Chinese Students' Migration Attitudes. *International Journal of Experimental Education*. 2015; (6):14-16. Available at: <https://www.expeducation.ru/pdf/2015/6/7645.pdf> (accessed 15.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Ryzantsev S. [Migration Contribution to Demographic and Social and Economic Development of Russia]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo* = Science. The culture. Society. 2018; (4):19-27. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36547142> (accessed 15.05.2019). (In Russ.)
13. Kartashov G. [The Scale of Migration of Russian Students]. *Vysshneye obrazovaniye v Rossii* = Higher Education in Russia. 2007; (11):128-131. Available at: <http://vovr.ru/upload/11-07.pdf> (accessed 15.05.2019). (In Russ.)
14. Shpet E.N. Study Migration of the Students of the Institutions of Higher Education and Approaches to Its Organization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2014; (1):94-99. Available at: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/shpet_e_n_94_99_1_142_2014.pdf (accessed 15.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Vartanyan A.A. International Student Migration: Regional Aspect. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2016; 60(2):113-121. Available at: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2016/113-121_Vartanyan_.pdf (accessed 15.05.2019). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Kirkegaard A.O., Nat-George S.M. Fleeing Through the Globalized Education System: The Role of Violence and Conflict in International Student Migration. *Globalisation, Societies and Education*. 2016; 14(3):390-402. (In Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14767724.2016.1151769>
17. Hagen-Zanker J., Mallet R. Journeys to Europe. The Role of Policy in Migrant Decision-making. Insight Report. London: Overseas Development Studies Institute; 2016. Available at: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/10297.pdf> (accessed 14.05.2019). (In Eng.)
18. Abbott A., Silles M. Determinants of International Student Migration. *The World Economy*. 2016; 39(5):621-635. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/twec.12319>
19. Bessey D. International Student Migration to Germany. *Empirical Economics*. 2012; 42:345-361. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s00181-010-0417-0>
20. Agasisti T., Dal Bianco A. Determinants of College Student Migration in Italy: Empirical Evidence from a Gravity Approach. *Social Sciences Research Network*. 2007. (In Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1063481>

21. Gargano T. (Re)conceptualizing International Student Mobility: The Potential of Transnational Social Fields. *Journal of Studies in International Education*. 2009; 13(3):331-346. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/1028315308322060>
22. Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Nguyen K.T., Lukyanets A.S. The Migration Potential of Vietnam in the Context of Educational Migration to Russia. *Nauchnoye obozreniye. Seriya 1. Ekonomika i pravo = Scientific Review. Series 1. Economics and Law*. 2015; (2):55-65. (In Russ.)
23. Brooks J.S., Normore A.H., Wilkinson J. School Leadership, Social Justice and Immigration. *International Journal of Educational Management*. 2017; 31(5):679-690. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1108/IJEM-12-2016-0263>
24. Tremblay K. Academic Mobility and Immigration. *Journal of Studies in International Education*. 2005; 9(3):196-228. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/1028315305277618>
25. Lobodzinska A. Immigrants and Immigration Policy in Ageing Finland. *Bulletin of Geography. Socio-Economic Series*. 2011; 15(15):43-55. (In Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.2478/v10089-011-0003-z>
26. Mekhrentsev A.V., Dobrachev A.A. [Technoparks at Universities: Unrealized Opportunities]. *Discussion = Discussion*. 2013; (1):67-70. Available at: <https://www.journal-discussion.ru/storage/app/uploads/public/5ad/10e/ae5/5ad10eae53c3a717461918.pdf> (accessed 15.05.2019). (In Russ.)
27. Garam I. International Mobility in Finnish Higher Education in 2015: Degree Students. Centre for International Mobility CIMO, 2016. Available at: https://www.oph.fi/sites/default/files/documents/111327_facts_and_figures_5b_2016.pdf (accessed 02.04.2019). (In Eng.)
28. Pismennaya E.E. ["The Drain of Brains" from Russia and the Formation of the Russian Scientific Diaspora]. *Nauchnoye obozreniye = Scientific Review*. 2011; (2):82-93. (In Russ.)
29. Punch S. Youth Transition and Migration: Negotiated and Constrained Interdependencies Within and Across Generations. *Journal of Youth Studies*. 2015; 18(2):262-276. (In Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13676261.2014.944118>

Submitted 30.07.2019; revised 29.11.2019; published online 31.03.2020.

About the authors:

Wadim Strielkowski, Senior Researcher of Cambridge Institute for Advanced Studies (23 King St., Cambridge CB1 1AH, United Kingdom), Professor of Prague Business School, Director of Prague Institute for Qualification Enhancement (145/29 Werichova, Praha 5 15200, Czech Republic), Ph.D., Professor, **ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6113-3841>**, **Researcher ID: J-6112-2017**, **Scopus ID: 36620065300**, **Researcher ID: J-6112-2017**, strielkowski@pbs-education.cz

Liudmila S. Kiseleva, Associate Professor of Chair of Social Management, Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moyka Emb., St. Petersburg 191186, Russia), Ph.D. (Economics), **ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8980-2821>**, **Scopus ID: 56677513700**, **Researcher ID: V-7287-2017**, kiseleva-l@mail.ru

Anna Yu. Sinyova, Post-Graduate Student of Faculty of Geography, Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moyka Emb., St. Petersburg 191186, Russia), **ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8188-9902>**, annsinyova@gmail.com

Contribution of the authors:

Wadim Strielkowski – scientific management; development of methodology; critical analysis and revision of the text; the presentation of data in the text.

Liudmila S. Kiseleva – literature review; data analysis; visualization; writing the draft; computer works.

Anna Yu. Sinyova – remote questioning; data visualization; selection of statistical information.

All authors have read and approved the final manuscript.